

ная болѣзнь нерѣдко ведетъ къ слѣпотѣ. 5) По Курской губернии одинъ новобранецъ слѣдой приходится на сто здоровыхъ. 6) Даже допущая некоторую неудовлетворительность данныхъ отчетовъ присутствій по воинской повинности въ отношеніи глазныхъ заболѣваній, тѣмъ не менѣе самый фактъ интензивности распространения среди населенія Курской губернии глазныхъ заболѣваній нужно считать твердо установленнымъ и принимать мѣры, какъ къ изученію причинъ этого недуга, такъ и къ улучшенію помощи при глазныхъ заболѣваніяхъ сельскому населенію. 7) Желательно, чтобы въ Курской губернии была принята въ отчеты присутствій по воинской повинности, болѣе точная регистрація сифилитиковъ. 8) Отчеты присутствій по воинской повинности, доставляя приблизительно точныя данныя о грамотности среди населенія, указываютъ на слабое развитіе грамотности въ Курской губернии. 9) Такъ какъ, если многого въ дѣлѣ охраненія своего здоровья крестьяне не могутъ сдѣлать въ силу чисто экономическихъ факторовъ и укоренившихся привычекъ, выработанныхъ въ жизни, то также многое они не дѣлаютъ и въ силу отсутствія элементарнѣйшихъ гигиеническихъ понятій, при поголовномъ почти невѣжествѣ; а потому распространеніе грамотности среди населенія Курской губ. съ популяризацией въ школѣ свѣдѣній о сохраненіи здоровья должно считаться курскимъ земствомъ однимъ изъ главныхъ факторовъ къ уменьшенію хроническихъ недуговъ среди населенія, не говоря уже о пользѣ, какую можетъ принести сказанное въ борьбѣ съ эпидеміями.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ УБѢДОВЪ.

Дмитріевскій у. 26 января бросился въ колодезь крестьянинъ Орловской губернии, села Орельскаго, Трубчевскаго уѣзда, Василій Егорчикъ 35 лѣтъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

27 декабря 1887 года на почтовой Сумской дорогѣ, въ разстояніи одной версты отъ подгородней города Суджи слободы Заолешенки, былъ усмотрѣнъ на снѣгу трупъ занимавшагося извознымъ промысломъ, восемнадцати лѣтняго крестьянина слободы Замостья, Суджанскаго уѣзда, Ивана Алексѣева Волкова, съ веревкой на шеѣ, затянутой сзади петлей, а по судебно-медицинскому осмотру и вскрытію этого трупа, у него были найдены, кромѣ глубокой борозды на шеѣ, нѣсколько ссадинъ кожи въ области теменной и затылочной костей, покрытыхъ засохшею кровью, причемъ производившій означенное вскрытіе Суджанскій городской врачъ Алексѣевъ заключилъ, что смерть его, Волкова, въ данномъ случаѣ послѣдовала отъ удавленія веревкой; ссадины же на головѣ по мнѣнію упомянутого врача могли произойти или отъ ударовъ небольшимъ твердымъ, но не тяжелымъ тѣломъ вроде палки, кнутовища, или даже отъ удара о грядки сена, когда убійца стаскивалъ съ нихъ покойнаго. На предварительномъ по сему дѣлу слѣдствіи, крестьяне слободы Замостья Суджанскаго уѣзда, родной отецъ покойнаго Ивана Волкова — Алексѣй Волковъ и его дядя Дмитрій Клименковъ показали, что Иванъ Волковъ, на разсвѣтъ 25 декабря 1887 г., выѣхалъ изъ г. Суджи въ саняхъ, запряженныхъ парой лошадей, принадлежащихъ изъ нихъ Дмитрію Клименкову, въ г. Сумы, куда повезъ по найму содержащаго въ г. Суджѣ табачный магазинъ караима Бабака Туршу и мѣщанина Гирша Костюковскаго, за покупкой товаровъ. Въ Суджѣ покойный Иванъ Волковъ долженъ былъ возвратиться 26 декабря къ вечеру, одинъ и правезти въ магазинъ Туршу приобретенный имъ въ г. Сумахъ табакъ и разный товаръ, между тѣмъ, 27 декабря, они, свидѣтели, узнали, что Иванъ Волковъ найденъ удушеннымъ его же собственною веревкой, на дорогѣ изъ г. Сумъ, вблизи слободы Заолешенки, причемъ ни лошадей съ санями, ни везеннаго имъ въ магазинъ Туршу товара, при немъ не оказалось; за сими свидѣтелями Бабака Туршу удостовѣрили, что выѣхавъ съ покойнымъ Иваномъ Волковымъ и мѣщаниномъ Гиршемъ Костюковскимъ изъ г. Суджи, на разсвѣтъ 25 декабря 1887 г., они прибыли въ г. Сумы въ тотъ же день ве-

черомъ, а на другой день, рано утромъ, онъ, свидѣтель, оставаясь съ Костюковскимъ въ Сумахъ, и, передавъ Волкову разнаго рода табакъ на 92 р. 20 к. и 3 головы сахару, отправилъ его съ означеннымъ товаромъ одного въ г. Суджѣ, предупреждая при этомъ, чтобы онъ никакихъ съ собой пассажировъ не бралъ; 27 декабря 1887 г. получена была въ г. Сумахъ телеграмма, въ коей извѣщалось объ убійствѣ и ограбленіи вышеупомянутого извозника Ивана Волкова; далѣе свидѣтели Михаилъ Захаровъ (содержатель постоялаго двора въ слободѣ Юнаковѣ, Сумскаго уѣзда, расположенной на почтовой дорогѣ изъ г. Сумъ въ г. Суджѣ и отстоящей въ 18 верстахъ отъ послѣдней), а равно служащій у него работникомъ крестьянинъ Иванъ Котенко, при слѣдствіи объяснили, что 26 декабря 1887 г., часа въ 3 по полудни, Суджанскій извозникъ Иванъ Алексѣевъ Волковъ, возвращаясь изъ г. Сумъ съ товаромъ для магазина Бабака Туршу, захватилъ къ себѣ на постоялый дворъ, вмѣстѣ съ ѣхавшимъ съ нимъ, въ качествѣ пассажира, какимъ то молодымъ человекомъ, одѣтымъ въ полушубокъ и имѣвшимъ на головѣ башлыкъ. Проѣхавъ съ этимъ пассажиромъ на постояломъ дворѣ около 20 минутъ, Волковъ съ нимъ же выѣхалъ, предъ заходомъ солнца, въ г. Суджѣ, причемъ означенный пассажиръ, приняты котораго свидѣтели Иванъ Котенко хорошо запомнилъ, закутался въ башлыкъ и въ надѣтый сверху засаженный полушубокъ сѣлъ простаго сукна съ воротникомъ. По словамъ свидѣтеля Ивана Котенка, Иванъ Волковъ прибилъ съ нимъ на постоялый дворъ, имѣя запряженной въ сани одну лошадь, другая же была привязана сзади; на постояломъ дворѣ онъ, Волковъ, лошади не распрягалъ; наконецъ свидѣтели Прокофій Шпаневъ и Александръ Моисѣенко удостовѣрили, что 26 декабря 1887 г., подъ вечеръ, они выѣхали изъ г. Суджи въ слободу Юнаковку, гдѣ имѣютъ постоянное жилище. Проѣхавъ подгороднюю слободу Заолешанку, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ нея, по дорогѣ на г. Сумы, они повстрѣчавъ двухъ человекъ, ѣхавшихъ по направленію къ г. Суджѣ, на саняхъ, въ которыхъ была запряжена одна лошадь, а другая шла привязанной сзади; одинъ изъ ѣхавшихъ на означенныхъ саняхъ сидѣлъ въ передкѣ и правилъ лошадью, другой же имѣвшій на головѣ, какъ-бы башлыкъ, помѣщался въ глубинѣ сани, навалившись на задокъ. Сопоставивъ за сими время и мѣсто встрѣчи свидѣтелями Шпаневымъ и Моисѣенко означенныхъ двухъ лицъ, проѣзжавшихъ по Сумской почтовой дорогѣ, вблизи слободы Заолешанки, Суджанскаго уѣзда, по направленію къ г. Суджѣ, упряжку ихъ лошадей, расположеніе ихъ въ саняхъ, способъ удушенія покойнаго Волкова наброшеніемъ на него петли изъ его же собственной веревки, затянутой сзади, съ показаніемъ свидѣтелей Захарова и Котенко, видѣвшихъ въ слободѣ Юнаковѣ, Суджанскаго уѣзда, 26 декабря 1887 г. покойнаго ямщика Ивана Волкова съ неизвѣстнымъ пассажиромъ, а равно и мѣсто нахожденія затымъ трупа означеннаго Волкова, нельзя не прийти къ заключенію, что убійцей упомянутого Волкова, съ цѣлью ограбленія у него товара и лошадей, былъ никто иной, какъ тотъ самый пассажиръ, съ которымъ онъ былъ въ слободѣ Юнаковѣ, на постояломъ дворѣ Захарова, и съ которымъ его видѣли, свидѣтели Шпаневъ и Моисѣенко проѣзжавшими, вечеромъ 26 декабря 1887 г. вблизи слободы Заолешанки, т.-е. на мѣстѣ нахожденія затымъ его трупа, съ явными признаками насильственной смерти.

Во второй половинѣ марта мѣсяца 1888 г. былъ задержанъ въ селѣ Ново-Ивановкѣ, Суджанскаго уѣзда, при покушеніи на кражу лошадей, розыскиваемый судебнымъ слѣдователемъ Сумскаго уѣзда, какъ участникъ въ разбоѣ у Христофоровой, мѣщанинъ г. Суджи Василій Арсеньевъ Яценковъ, уже неоднократно судившійся до сего за кражи.

По представленіи затѣмъ упомянутого Яценкова свидѣтелю Ивану Котенку, послѣдній положительо призналъ его за того самого неизвѣстнаго пассажира, который вечеромъ 26 декабря 1887 г., останавливаясь въ слободѣ Юнаковѣ, Сумскаго уѣзда, вмѣстѣ съ ямщикомъ Волковымъ на постояломъ дворѣ Захарова, и который въ тотъ же вечеръ отправился съ Волковымъ далѣе по направленію къ г. Суджѣ.

Привлеченный на основаніи изложенныхъ данныхъ, въ качествѣ обвиняемаго въ умышленномъ убійствѣ крестьянина Ивана Волкова, съ цѣлью ограбленія его, мѣщанинъ Василій Арсеньевъ Яценковъ, не признавая себя виновнымъ въ этомъ преступленіи, объяснилъ, что онъ 26 и 27 декабря 1887 г. въ Суджанскомъ уѣздѣ даже вовсе не былъ, такъ какъ жилъ въ то время въ г. Льговѣ работникомъ у торговавшаго веревками Ивана Пѣколаева Жукова, находящагося нынѣ, будто бы въ г. Орлѣ; но это послѣднее объясненіе обвиняемаго Яценкова, кромѣ уже вышеприведеннаго показанія свидѣтеля Котенко, безусловно опровергается еще во 1-хъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что упомянутого въ означенномъ объясненіи Ивана Жукова, по тщательному розыску полиціей, ни въ г. Льговѣ, ни въ г. Орлѣ вовсе не оказалось, а чрезъ спросъ въ Льговѣ мѣстныхъ торговцевъ установлено, что въ ихъ городѣ Ивана Жукова, торговавшаго веревками, никогда не было. Изъ показаній опрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей Николая Воскобойникова и Елены Атраховичъ видно, что обвиняемый Яценковъ, по словамъ перваго изъ нихъ, былъ въ г. Миропольѣ, Суджанскаго уѣзда (т.-е. въ 25 верстахъ отъ мѣста совершенія убійства и въ значительной отдаленности отъ г. Льгова) 28 или 29 декабря 1887 года, а по показанію Елены Атраховичъ, 1 января 1888 года, обвиняемый Яценковъ при ней, свидѣтельницѣ, приходилъ въ г. Миропольѣ къ крестьянину Василію Копарю (также одному изъ участниковъ въ разбоѣ у Христофоровой). Судъ постановилъ подсудимаго мѣщанина г. Суджи Василія Аксентьева Яценкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на семь лѣтъ и четыре мѣсяца.

А. А. ФЕТЬ—ШЕНШИНЪ.

(Изъ Правит. Вѣстн.).

А. А. Шеншинъ (Фетъ) родился 23 ноября 1820 года, въ родовомъ имѣніи своего отца, Афанасія Нефитовича, селѣ Мценскаго уѣзда (Орловской губ.). Получивъ первоначальное образованіе дома, онъ на четырнадцатомъ году поступилъ въ учебное заведеніе Крюммера въ городѣ Берро (Лифляндской губ.), гдѣ и оставался около четырехъ лѣтъ. 17 лѣтъ онъ перешолъ въ Москву въ частный пансіонъ М. П. Погодина, а оттуда — въ Московскій Университетъ, сначала на юридическій, а затѣмъ на существовавшій тогда словесный факультетъ. При поступленіи въ Университетъ встрѣтились неожиданныя затрудненія въ представленіи документовъ, вслѣдствіе чего, при подачѣ прошенія, онъ принялъ имя своей матери, по первому браку — Фетъ, съ которымъ вскорѣ и выступилъ въ міръ, и которое, утвердившись за нимъ навсегда въ литературѣ, приобрѣло современемъ всеобщую извѣстность. Въ послѣдствіи, именно въ 1875 году, по представленіи необходимыхъ документовъ, за А. А. Фетомъ Высочайшимъ указомъ была утверждена его родовая фамилія — Шеншинъ.

Въ 1844 году, по окончаніи курса въ Университетѣ, Афанасій Афанасевичъ поступилъ юнкеромъ въ Орленскій кирасирскій полкъ, стоявшій тогда въ одномъ изъ округовъ Херсонскаго военного поселенія. Затѣмъ, прослуживъ въ полку около десяти лѣтъ, онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ, съ которымъ сдѣлалъ походъ къ западнымъ границамъ Россіи. Въ 1856 году, по заключеніи мира, онъ вышелъ въ отставку и, будучи за границей, въ Парижѣ, женился на сестрѣ извѣстнаго художника, Михаила Петровича и знаменитаго врача Сергія Петровича Боткинъ — Маріи Петровнѣ.

Литературная дѣятельность Афанасія Афанасевича Фета началась очень рано. Въ 1839 году, т.-е. когда ему не было девятнадцати лѣтъ, онъ уже выпустилъ въ свѣтъ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Лирическій Пантеонъ* А. Ф. 1840. Эти первыя опыты, несмотря на строгость тогдашней критики, были встрѣчены весьма сочувственно, и у юнаго автора было признано присутствіе несомнѣннаго дарованія. Особенно удачнымъ въ этомъ сборникѣ критика нашла стихотвореніе: „Скоро дождь — да вотъ и тѣнистая, старая ива...“, которое рецензентъ Фета привелъ въ своемъ отзывѣ о немъ, помѣщенномъ въ *Оте-*